

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев
(Сочинения А. Ф. Писемского. Том I. 1861).

I

Говоря о сочинениях Писемского, я не буду решать вопроса о степени таланта автора и о художественном достоинстве его произведений; эти вопросы давно рассмотрены и решены. Стоит раскрыть любую повесть или драму, любой роман Писемского, чтобы силою непосредственного чувства убедиться в том, что выведенные в них личности - живые люди, выражющие собою в полной силе особенности той почвы, на которой они родились и выросли. Толковать на нескольких страницах читателю то, что совершенно очевидно, значит понапрасну тратить время и труд; на этом основании я постараюсь в моей статье заняться делом более интересным и, как мне кажется, более полезным. Вместо того чтобы говорить о Писемском, я буду говорить о тех сторонах жизни, которые представляют нам некоторые из его произведений. - Чтобы не растеряться во множестве разнообразных явлений, я ограничусь одною повестью Писемского. Эта повесть - "Тюфяк" - очень проста по завязке и при этой простоте так глубоко и сильно захватывает материалы из живой действительности, что все серые и грязные стороны нашей жизни и нашего общества представляются разом воображению читателя. Эти стороны жизни стоит рассматривать и изучать. Над ними задумываются и будут постоянно задумываться люди с пытливым умом и с теплым сердцем; их не выкинешь из жизни и не заставишь самого себя забыть о их существовании. Гнет, несправедливость, незаконные посягательства одних, бесполезные страдания других, апатическое равнодушие третьих, гонения, воздвигаемые обществом против самобытности отдельных личностей, - все это факты, которых вы не опровергнете фразой и к которым вы не останетесь равнодушны, несмотря ни на какое олимпийское спокойствие. Эти факты заставляли страдать наших отцов и дедов; эти же факты тяготеют над нами и, вероятно, будут еще отравлять жизнь нашего потомства; все мы терпим одну участь, но между тем наши отношения к тому, что заставляет нас страдать, существенно изменяются; каждое новое поколение относится к своим бедствиям и страданиям проще, смелее и практичнее, чем относилось предыдущее поколение. Вероятно, ни один образованный человек не будет теперь жаловаться на свою судьбу и не увидит наказания свыше в постигшей его неудаче; вероятно, ни одна порядочная девушка не считает свою обязанностью в выборе мужа руководствоваться вкусом дражайших родителей; наша личная свобода, конечно, стесняется общественным мнением или, вернее, светским *qu'en, dira-t-on*, {Что скажут (франц.)}. Ред.} но по крайней мере мы уже потеряли веру в непреложность этих светских законов и руководствуемся ими большею частью по силе привычки, потому что недостает сил и энергии восстать в жизни против того, что наша мысль признала стеснительным и нелепым. Все мы - большие прогрессисты в области мысли; на словах мы доводим до геркулесовых столбов уважение наше к личности человека; в жизни нам представляется, конечно, другая картина; наши Уильберфорсы и Говарды часто являются поборниками произвольных законов этикета, книжниками и фарисеями, или даже просто мандаринами и столонаачальниками. Но этим иногда забавным, а часто и очень печальным противоречием между прогрессивным суждением и рутинным поступком смущаться не следует; и то хорошо, что думать начинают по-человечески; вы не забудьте, что эти человеческие мысли подхватывает на лету молодежь; эта молодежь не умеет двоить свое существо, не умеет хитрить сама с собою и принимает за чистую монету те слова, которые вы произносите в минуту увлечения и от которых вы, может быть, завтра отречетесь вашими поступками. За поколением людей много говорящих выдвигается незаметно поколение людей, делающих дело. *Ria desideria* {Благие пожелания (лат.). - Ред.} мало-помалу перестают быть неуловимыми мечтами. Всякому поступку предшествует размыщение; отдельный человек размышляет в продолжение нескольких минут или часов; общество находится в раздумье целыми десятилетиями, и это время наружного бездействия было бы несправедливо считать потерянным. Умственная зрелость наших отцов идет нам на пользу, и хотя мы перерешаем по-своему большую часть решенных ими вопросов, но перерешаем-то мы их именно потому, что их решения оказались неудовлетворительными, избавляя нас, таким образом, от дорогостоящих заблуждений.

II

Много ли мы подвинулись вперед с того времени, как написан "Тюфяк"? С тех пор прошло одиннадцать лет, {1} и много воды утекло. Открылись поезда по Московской железной дороге, открылось пароходство по Волге, возникло

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
множество акционерных компаний, появилось в свет и упало множество журналов и газет, взят Севастополь, заключен Парижский мир, поднят крестьянский вопрос, родились воскресные школы, появились в университете женщины, {2} а между тем, читая повесть Писемского, поневоле скажешь: знакомые все лица, да и до такой степени знакомые, что всех их можно встретить в любой губернской зале дворянского собрания, где так бесцветно, безжизненно и вяло. В этих углах уходит много свежих сил на бессмысленные попытки подладиться под тон окружающей среды; многие люди, слабые от природы, делаются совершенно дрянью оттого, что не умеют быть самими собою и ни в чем не могут отделиться от общего хора, поющего с чужого голоса. Этот хор следует моде в образе мыслей, в политических убеждениях, в семейной жизни, начиная от устройства столовой и кончая воспитанием детей. Таким образом плыут по течению два разряда людей. Одни пронюхивают, откуда дует ветер, и, соображаясь с своими личными выгодами, расставляют свои паруса и меняют убеждения. Другие совершенно бескорыстно, как зеркало, отражают в себе то, что проходит мимо них, только потому, что в них нет решительно ничего своего. Их дело сочувствовать, восторгаться или негодовать, аплодировать или шикать, либеральничать или подличать, смотря по тому, что делается кругом. Кто-нибудь крикнет в толпе, десять голосов подхватят, еще не зная хорошенъко, к чему кланится дело; возглас, поддержаный десятью бескорыстными клакерами, превращается уже в крик и получает уже авторитет и обязательную силу. Chaque sot trouve un plus sot qui l'admirer; {Каждый глупец находит еще более глупого, который им восхищается (франц.). - Ред.} комок снега, сорвавшийся с верхушки горы, катится вниз и растет от прилипающих к нему снежинок; он превращается в безобразную лавину и давит своим нелепым падением все, что попадается на пути: дома, деревья, скот, люди, все поглощается и гибнет. Спросите у лавины: к чему она это сделала? Вы не получите от нее ответа, и точно так же не узнаете от толпы побудительной причины ее слов и поступков, от которых, может быть, страдает ваше доброе имя и душевное спокойствие. Да, можно сказать решительно, что лучше ошибаться по собственному убеждению, нежели повторять истину только потому, что ее твердят большинство. Кто ошибается, тот может сознать свою ошибку, того можно убедить, в том можно встретить сопротивление или действительное сочувствие. Но что же вы сделаете с человеком, у которого нет личности, на которого нельзя ни полагаться, ни рассердиться, потому что причина его действий, слов и движений лежит в окружающем мире, а не в нем самом? Что вы сделаете с этими вечными детьми, для которых последнее произнесенное слово служит законом и для которых против бессознательного крика большинства нет апелляции? - Безличность, безгласность, умственная лень и вследствие этого умственное бессилие - вот болезни, которыми страдает наше общество, наша критика; вот что часто мешает развитию молодого ума, вот что заставляет людей сильных, ставших выше этого мещанского уровня, страдать и задыхаться в тяжелой атмосфере рутинных понятий, готовых фраз и бессознательных поступков.

III

Семейная драма, составляющая сущность повести Писемского "Тюфяк", разыгрывается именно в той душной атмосфере, в которой старые и молодые, мужчины и женщины с утра до вечера играют в гости, сплетничают друг на друга и занимаются картами, как существенно важным делом. Три молодые личности, не обожженные природою, измучиваются, вянут и погибают в этой атмосфере. В этих личностях нет ничего особенного ни в дурную, ни в хорошую сторону; они - не гении и не уроды; одаренные достаточною долею ума и практического смысла, они могли бы прожить себе в свое удовольствие, вырастить с полдюжины детей и умереть спокойно, оставив по себе приятное воспоминание в сердцах признательного потомства, т. е. своих детей и внучат. Выходит совсем не то, чего следовало ожидать. Один из трех - Павел Бешметев - спивается с кругу и умирает в молодых летах. Другая - жена Бешметева - проводит молодость в грубых семейных сценах и остается вдовою тогда, когда уже не знает, что делать с своею свободою; третья - сестра Бешметева - посвящает жизнь свою служению обязанности, живет для своих детей, терпит дурака-мужа, полу-Ноздрева, полу-Манилова, и медленно хилеет, потому что с одною обязанностью не проживешь жизни.

И это жизнь!.. Стоит ли заботиться о своем пропитании, поддерживать свое здоровье, беречься простуды только для того, чтобы видеть, как день сменяется ночью, как чередуются времена года, как подрастают одни люди и стареются другие? Если жизнь не дает ни живого наслаждения, ни занимательного труда, то зачем же жить? зачем пользоваться самосознанием, когда сам не находишь для него цели и приложения? Странно! Этот вопрос

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org представляется сам собою, как только взглянешь на себя, как только отдашь себе отчет в своем прошедшем, в настоящем и в предполагаемом будущем; между тем из десяти знакомых вам личностей вряд ли одна будет в состоянии отвечать на этот вопрос удовлетворительно, вряд ли одна сумеет представить причины и оправдания своего бытия; сказать проще, редкий человек окажется довольным своею судьбою, и между тем из этих недовольных редкий старается выйти из своего положения и устроить свою жизнь так, как бы ему самому хотелось. Мы опутаны разными связями и отношениями, мы стеснены разными соображениями, не имеющими ничего общего с нашим свободной волею, но стеснены не фактически, а нравственно; над нами в большей части случаев тяготеет не материальная сила, а scruple de conscience, {Беспокойство совести (франц.)}. - Ред.} и мы так робки и слабы, что не можем сбросить с себя даже этого ничтожного ограничения. Безличность, безгласность, инерция - куда ни поглядишь - так и лезут в глаза; эти свойства в большей части случаев составляют основу ненормального положения, начиная от чисто комического и кончая страшно трагическим. Возьмите, с одной стороны, "Женитьбу" Гоголя, где безличность воплощена в надворном советнике Подколесине, с другой стороны, "Тюфяк" Писемского, где вы видите вынужденную безгласность со стороны Юлии Кураевой, которую отец насиливо выдает замуж за Бешметева. В первом случае вы от души смеетесь, и если дадите себе труд взглянуться в личность Подколесина, то просто назовете его колпаком, как не раз величает его услужливый приятель Кочкирев. Во втором случае вам будет не до смеху; искреннее негодование и глубокое сочувствие к оскорбляемой личности заговорит в вашей душе тогда, когда вы прочтете, например, такого рода сцену: Юлия, проплакав целый день после помолвки, к вечеру слегла в постель с сильною головною болью. Отец ее, проездив целый день с Бешметевым за разными покупками, приводит его в спальню своей дочери, показывая вид, что доставляет ей этим величайшее удовольствие. Но этим еще не кончается дело.

- А что, голова болит? - Спрашивает он у дочери.
 - Болит, папа.
 - Хочешь, я тебе лекарство скажу?
 - Скажите.
 - Поцелуй жениха. Сейчас пройдет; не так ли, Павел Васильевич? "- Что это, нэпа? - сказала Юлия. Павел покраснел.
 - Непременно пройдет. Ну-ка, Павел Васильевич, лечите невесту смелей.
- Он взял Павла за руку и поднял со стула.
- Поцелуй, Юлия: с женихом-то и надобно целоваться.

Павел дрожал всем телом, да, кажется, и Юлии не слишком было легко исполнить приказание папеньки. Она нехотя приподняла голову, поцеловала жениха, а потом сейчас же опустилась на подушку и, кажется, потихоньку отерла губы платком, но Павел ничего этого не видал.

Хороши все актеры этой грязной сцены! Хорош отец, торгующий поцелуями своей дочери и распоряжающийся ее телом, как свою собственностью; хороши тюфяк-женихи, целующий свою невесту по мановению папеньки; да, коли говорить правду, хороша и та девушка, которая не смеет выйти из-под родительской власти, несмотря на то, что эта власть наталкивает ее на такие гадости, от которых возмущается ее физическая и нравственная природа. Невольное презрение к рабской безгласности продаваемой девушки сменится в вашей душе состраданием и сочувствием к оскорбляемой личности только потому, что вы видите весь механизм домашнего гнета, тяготеющего над несчастною жертвою, вы слышите строгое приказание в словах Владимира Андреича: "Поцелуй, Юлия", вы понимаете, что после ухода жениха может начаться такая семейная сцена, которой грязные подробности не будут даже прикрыты флером внешнего приличия; Владимир Андреич зачинет делать внушения, потом браниться и кричать, потом никто не поручится нам за то, что он не прибьет или не высечет непочтительную дочь. Все это будет происходить в тесном семейном кругу, без посторонних свидетелей; все это будет тщательно скрыто от ближайших соседей, насколько можно скрыть семейную тайну в губернском городе, где все слуги знакомы между собою и где все господа имеют обыкновение высматривать у своих лакеев подробности скандальной хроники;

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
все это, повторю, совершится без официальной огласки, но побои останутся побоями и не сделаются приятнее и сноснее оттого, что их не станут считать посторонние зрители. Юлия систематически развращена холопским воспитанием; она забита приемами военной дисциплины, примененными к патриархальному быту русского семейства; она боится папеньки даже после своего замужества; она в отношении к нему на всю жизнь остается девчонкою, и потому от нее нельзя много требовать. Чтобы бороться с семейным деспотизмом, неразборчивым в средствах, надо обладать значительной силой характера. Сила характера развивается на свободе и глохнет под внешним гнетом. Юлия не виновата в том, что она сделалась дрянью под ферулой своего нежного родителя, но в ту минуту, когда мы ее видим, она является уже вполне дрянью, женщиной, от которой невозможно ожидать ни благородного порыва чувства, ни живого проблеска мысли. Это - губернская барышня в полном смысле этого слова. Ум ее не занят никакими серьезными интересами и скользит по поверхности окружающих явлений, не взглянувшись в них и не отдавая себе отчета в собственных своих впечатлениях. Она наряжается, выезжает, выслушивает любезности, поддерживает салонные разговоры, шепчется с своими подругами, читает попадающиеся под руку романы, ездит с визитами и возвращается домой, ложится спать и встает, словом, живет со дня на день, ни разу не спросив себя о том, есть ли в ее жизни какой-нибудь смысл, хорошо ли ей живется на свете и нельзя ли жить как-нибудь полнее и разумнее. Она умеет мечтать о будущем, о том, что "выйдет за какого-нибудь гвардейского офицера, который увезет ее в Петербург, и она будет гулять с ним по Невскому проспекту, блистать в высшем свете, будет представлена ко двору, сделается статс-дамой".

Чего, чего нет в этих мечтах! Гвардейские эполеты мужа, Невский проспект, высший свет и, наконец, двор, как конечная цель всех стремлений! Характер этих мечтаний находится в строгой гармонии с характером того образа жизни, который ведет Юлия в родительском доме. Все наслаждения, о которых она мечтает, оказываются наслаждениями чисто внешними и, кроме того, совершенно условными и искусственными. Мечтая об этих наслаждениях, девушка мечтает не от своего лица, а от лица того кружка, в котором она выросла. Почему приятнее выйти замуж за гвардейского офицера, чем за губернского чиновника? Почему приятнее блистать в высшем свете, чем в среднем кругу? Неужели эстетическое чувство удовлетворяется созерцанием красных отворотов гвардейского мундира или бриллиантовых фермуаров, надетых на дамах высшего света? Неужели звание гвардейского офицера или великосветской дамы достается только людям, отличающимся замечательным умом, нежностью чувства и высоким образованием? Неужели всякий гвардейский офицер способен быть хорошим мужем, а всякая великосветская дама - приятною собеседницею? Как ни была Юлия мало развита, а мне кажется, в у ней хватило бы здравого смысла на то, чтобы найти подобные вопросы совершенно бессмысленными. Стало быть, что же ее привлекало? Что вызывало в голове ее эти заветные мечты? Ясно, что она мечтает именно так только потому, что точно так же мечтают ее подруги. Все говорят, что блистать в высшем свете весело; как же не поверить всем? Как не положиться на общий говор, когда нет ни собственного суждения, ни ясных собственных желаний? Мечтая с чужого голоса, Юлия точно так же с чужого голоса ведет свою действительную жизнь, вышедши замуж за Бешметева. Она выезжает и наряжается и кроме этого ничего не делает. Да что же ей делать? Когда она жила в родительском доме, ей иногда приходилось отказаться от какого-нибудь предполагаемого выезда собственно потому, что этот выезд мог нарушить финансовые или дипломатические соображения главы семейства. Очень понятно, что в подобных случаях Юлия мечтала о замужестве, как о вожделенной минуте освобождения. Было бы странно, если бы она не воспользовалась этой минутой. Действительность разбила большую часть ее воздушных замков. Петербург, гвардейские эполеты и высший свет оказались миражем. Надо же было хоть чем-нибудь вознаградить себя; надо было пожить в свое удовольствие хоть в тех узеньких и бедненьких пределах, которые очертила вокруг нее судьба. А как жить в свое удовольствие? Ведь это, воля ваша, вопрос очень важный. Немногие в состоянии решить его совершенно ясно и удовлетворительно для самих себя, а кто на это способен, тот почти наверное устроит себе жизнь по-своему и не будет ни в каком случае несчастным. Юлия не могла решить этого вопроса удовлетворительно; ей недоставало для этого двух вещей: знания жизни вообще и знания своей собственной личности; она не знала, чего можно требовать от жизни, и не знала, чего требует именно она. В подобном затруднительном положении надо было поневоле пойти торной дорогою, по которой раньше ее шли сотни губернских барышень, сделавшихся дамами по воле заботливых родителей. Двинувшись вперед по этому пути, Юлия не могла остановиться; пустая жизнь отнимает силы даже подумать о серьезном деле; если бы Юлия даже подозревала

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
существование и возможность какой-нибудь другой жизни, она не пожелала бы ее выбрать; если бы даже она пожелала этого, у ней не хватило бы энергии на то, чтобы осуществить это желание; ни в себе самой, ни вокруг себя она не нашла бы поддержки, и только бессильное отрицание и инстинктивное недовольство своим настоящим положением были бы результатом этих желаний. Впрочем, бессознательное недовольство, скука и пресыщение неминуемо выпали бы на долю Юлии, если бы ей никто не мешал идти по той дороге, на которую навело ее влияние общества. Юлия, наверно бы, соскучилась от выездов и нарядов, если бы никто не мешал ей выезжать и рядиться. Но жизнь ее изменилась под влиянием двух обстоятельств: разлад с мужем и зародившаяся в ее душе любовь к постороннему мужчине поневоле отвлекли ее внимание от выездов и нарядов; пришлось отстаивать свою свободу от пассивной оппозиции тюфяка-Бешметева; пришлось ежеминутно жить с образом любимого человека, и внешние удовольствия губернской светской жизни потеряли половину своей практической важности и большую часть своей прелести; дрязги жизни воплотились в личности докучливого мужа, поэзия жизни, которой почти не подозревала Юлия, сказалась сама собою в восторженном поклонении красивому, идеализованному образу Бахтиарова. Юлия в первый раз перестала быть куклой и почувствовала себя женщиной, существом любящим и требующим сочувствия. Дурно ли, хорошо ли она пристроила свое чувство - это уже совсем другой вопрос. Главное дело в том, что она любила; одним этим фактом она становилась неизмеримо выше той Юлии, которая мечтала о гвардейском офицере и о Невском проспекте. Любя красивую фигуру, она выражала свою личность, жила своею жизнью, своими глазами принимала и своим умом обсуживала впечатления. Она ошибалась, но ошибалась, как свойственно человеку ошибаться; она по крайней мере переставала быть обезьяною или глупым ребенком, требующим себе зажженной папироски единственно потому, что вокруг него курят взрослые. В любви Юлии к Бахтиарову есть недостаток разборчивости, есть неумениеглядываться в людей и отличать сусальное золото от настоящего, но этому чувству нельзя отказать в некоторой высоте нравственных требований. Юлия не умеет распознать настоящего Бахтиарова, но тот Бахтиаров, которого она любит, т. е. то воображаемое лицо, которое она ставит на место действительно существующего, вовсе не дурной и даже не дюжинный человек. Как только Бахтиаров оказывается подлецом, так он погибает в глазах Юлии; женщина поумнее и неопытнее Юлии разобрала бы своего героя раньше - об этом спору нет; но дело в том, что умственная неразвитость Юлии, а не нравственная испорченность ее, была причиной ее увлечения. Она любила хорошую и красивую личность и только не видела того, что эта личность не имеет ничего общего с настоящим Бахтиаровым. Кто еще не жил, тот и не умеет жить; кто никогда не мыслил и не наблюдал, тот не может распознавать характеры окружающих людей. Юлия не виновата в своей ошибке. Как жертва своего воспитания и своего общества, она может возбудить к себе сострадание; горести и радости ее внутреннего мира так мелки и ничтожны, что им мудрено сочувствовать; рассматривая их, придется только пожалеть о человеческой личности, тратящей нравственные силы на пустые и бессвязные тревоги. Словом, Юлия - личность очень обыкновенная по врожденным способностям, испорченная безобразною домашнею дисциплиною и постепенно мельчающая под влиянием нелепых условий семейной и общественной жизни. Личность ее очень нейзящна именно потому, что в большей части случаев она сливаются с окружающим обществом, боится от него отшатнуться, по рукам и по ногам связана его предрассудками и разделяет почти все его вкусы и наклонности. Она почти нигде не составляет исключения ни в худшую, ни в лучшую сторону. Любя Бахтиарова, она порой увлекается и делает неосторожный поступок; эти минуты увлечения выражают собою лучшие, живые стороны ее характера; но, к сожалению, она увлекается дрянным человеком, и недостойная личность ее героя бросает грязную тень на чистоту ее порывов. К тому же эти порывы слишком слабы; она делает неосторожный шаг и оглядывается по сторонам, прячется, боится и папеньки и мужа. На ее месте женщина, способная сильно любить, увлеклась бы за пределы всякого приличия и наделала бы множество ярких глупостей. На ее месте женщина с твердым и честным характером не стала бы прятаться и гордо пошла бы навстречу домашним сценам и общественному стыду. Но Юлия не из тех; ей хочется служить и богу и мамону, и вследствие этого из нее выходит ни то ни се, ни богу свеча ни черту кочерга, как выражается наше простонародье.

IV

А что за человек муж Юлии? - учился он в университете и мечтает о магистерском экзамене. В нем есть сходство с Обломовым, и самое существенное различие между этими двумя личностями заключается в различии манеры Гончарова и Писемского. Гончаров щадит и любит своего героя, а

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org

Писемский безжалостно продергивает свое создание где только можно, и продергивает его без злобной раздражительности, спокойно, холодно и почти весело. При всей своей объективности Гончаров может быть назван лириком в сравнении с Писемским. Гончаров сочувствует отдельным личностям своих произведений и отдельным поступкам своих героев; иное он осуждает, иное объясняет и оправдывает; критик часто уравновешивает в нем художника. Ничего подобного не встретите вы у Писемского; его воззрений и отношений к идеалу вы нигде не встретите, они даже и не просвечивают нигде. Он никому не сочувствует, никем и ничем не увлекается, ни от чего не приходит в негодование, никого не осуждает и не оправдывает. Грязь жизни остается грязью; сырой факт так и бьет в глаза; берите его как он есть, осмысливайте, осуждайте, оправдывайте – это ваше дело; голос автора не поддержит вас в вашем критическом процессе и не заспорит с вами. – Бешметев и Обломов похожи друг на друга тем, что оба зависят от окружающей обстановки, несмотря на то, что стоят выше ее по умственному развитию. Отсутствие активной инициативы, отсутствие твердой оппозиции, слабость и слабость – вот основные черты их характера. Бешметев так же слаб, как Обломов, и притом нисколько не ленив; он был бы способен двигаться вперед, если бы кто-нибудь вел его за собою или толкал его сзади; общество, в которое он попадает, употребляет все усилия, чтобы задержать и отодвинуть его назад; он страдает от этого, но поддается и опускается с ужасающей быстротою. Неопытный в житейских делах, он позволяет женить себя через сваху и не понимает того, что невеста его терпеть не может, а что родители смотрят на него как на владельца пятидесяти незаложенных душ. Не умея ни отразить нападок крикливой родни своей, ни отмалчиваться от них, он, по их настоянию, отказывается от предположенной ученой карьеры, отлагает попечение о магистерском экзамене и превращается в столоначальника губернского присутственного места. Мечты о взаимной любви сменились нелепою женитьбою; мечты о разумной деятельности уснули под вицмундиром чиновника, не отказывающегося от безгрешных доходов. Писемский не говорит ничего о доходах, но надо думать, что было не без того, потому что у Бешметева уже не было денег тогда, когда он поступил на службу; надо было чем-нибудь жить, и место столоначальника досталось Бешметеву по рекомендации Владимира Андреевича Кураева, которого практические воззрения мы уже видели, говоря о воспитании и замужестве Юлии. Далее падение Бешметева идет еще скорее; когда человек сбился с настоящей дороги, тогда всякое случайное обстоятельство путает и портит его. Нет настоящей деятельности, нет желанного наслаждения так что аде делать? Надо проживать жизнь, убивать время, забивать в самом себе лучшие потребности своей природы, лучшие результаты своего развития; чтобы не страдать, надо опошливаться, тупеть и черстветь. Все это случилось бы с Бешметевым; он отрастил бы брюшко, стал бы мечтать о счастье получить крестик и об удовольствии составить вечерком преферансик, начал бы нюхать табак, получил бы лысину и репутацию исполнительного чиновника и, наконец, умер бы, оставив своим детям состояние, исправленное и дополненное. Все это произошло бы тогда, когда бы жизнь потекла спокойно, когда бы мечты не разбивались насищенно, а просто медленно рассеялись бы, как утренний туман. Если бы Юлия Владимировна Бешметева постепенно выказалась в настоящем своем свете, тогда ее ослепленный муж помирись бы с своим разочарованием так же тихо, как он помирись с бюрократическою деятельностью. Но толчок, полученный Бешметевым со стороны его семейной жизни, был так резок и силен, что ему только и оставалось или вдруг выпрыгнуть на прежнюю дорогу и утешить себя разумною деятельностью, или головою вперед броситься в омут грязи и гадости, запить и с горя ухнуть остаток физических и нравственных сил. Вообразите себе, что человек любит свою жену и надеется, что она его оценит и полюбит в свою очередь. Он работает над ее нравственным возвышением и не отчаивается от видимой неудачи своих первых попыток; вдруг он замечает, что она не только любит другого, но даже вешается этому другому на шею и заодно с этим другим дурачит его, любящего мужа и усердного наставника. Чистая, непорочная, неопытная девочка вдруг превращается в его глазах в очень опытную, очень хитрую и совершенно испорченную женщину, которая проведет и выведет полдюжины наставников и надзирателей, подобных ему, Бешметеву. Сделав подобное открытие, человек твердый и решительный, вероятно, плунул бы на все это, разорвал бы всякую связь с своим прошедшим, понял бы то, что умный мужчина может быть счастлив собственными силами, и поступил бы сообразно с этими размышлениями. Будь он в положении Бешметева, такой человек вышел бы в отставку, поехал бы в Москву, занялся бы серьезно магистерским экзаменом и в освежающем труде мысли нашел бы себе полное утешение, достойное развитого человека. Впрочем, надо сказать правду, несчастье, поразившее Бешметева, до такой степени важно, что и покрепче его люди могут над ним позадуматься. Лаврецкий – не чета Бешметеву, а и Лаврецкий, узнавши об

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org измене Варвары Павловны, считает себя очень несчастным человеком. Большая часть людей умеют еще кое-как перенести холодность любимой женщины, но не переносят того, что они называют ее неверностью. Акт неверности сваливает любимое существо с высокого и роскошного пьедестала в грязную лужу; как ни широки эмансипационные стремления нашей эпохи, а до сих пор большая часть развитых мужчин нечувствительно для самих себя смотрит на женщину как на движимую собственность или как на часть своего тела. Когда женщина, уступая силе чувства, начинает располагать собою как свободною и полноправною личностью, тогда вдруг забываются все широкие теории; тот мужчина, который по своему общественному положению стоит к этой женщине в отношениях друга и защитника, вдруг выступает на сцену судьбою и палачом; он призывает на нее громы общественного мнения, он отступается от нее с добродетельным отвращением, и общество, конечно, с величайшею готовностью начинает кидать грязью в оставленную и обиженную личность. При более грубых нравах мужчина преследует женщину более чувствительным оружием, начиная от грязных намеков и кончая побоями. Бешметев, при своем полном незнании жизни и при полном отсутствии настоящего, гуманного развития, никогда не думал о правах женщины и об отношениях ее к мужчине; он только мечтал, лежа на диване, о наслаждениях взаимной любви; мечтам этим не пришлось осуществиться - и Бешметев просто озлился на жизнь и на женщину, не спрашивая у себя, прав ли он в своем озлоблении и имеют ли какое-нибудь разумное оправдание его мечты о любовном счастье? Если посмотреть глазами самого Бешметева на неприятности его семейного быта, тогда можно оправдать все глупости, к которым его приводят житейские испытания; но если посмотреть на дело со стороны, то увидим, что все несчастья эти составляют естественное и неизбежное следствие поведения самого героя. Молодой человек женится на девушке почти насильно и почти зажмурив глаза; он видит, что она хороша собою, и правильные линии ее лица мешают ему видеть всю уродливость их взаимных отношений; любит ли его будущая жена, уважает ли его, сходятся ли они между собою в понятиях и склонностях, об этом он забывает спрашивать; он женится и после свадьбы начинает требовать семейного счастья. Нелепые требования! Человек сам положил руку на раскаленное железо и удивляется тому, что ему больно, и сердится на несчастную плиту, которая жжет его без всякого злого умысла, вследствие вечных законов природы. А между тем, будь вы на месте этого человека, и вы положили бы руку на раскаленную плиту; ведь хватаются же дети за горячие жаровни, потому что им нравится их странный блеск и яркий цвет. Дело вот в чем: характер отдельного человека развивается под влиянием окружающей среды и обстоятельств жизни; в человеке может воспитаться преступник или эксцентрик гораздо прежде того времени, когда он будет в состоянии делать действительные глупости и фактические преступления. Скажите же, кто в подобном случае более виноват: тот ли материал, из которого выкраивается та или другая фигура, или та рука, которая ее выкраивает? Рука эта большею частью действует бессознательно; ее называют случаем, судьбою, силою обстоятельств, влиянием обстановки; последние два термина представляют некоторый смысл, между тем как первые два отличаются крайнею мистическою неопределенностью. Сваливая вину на силу обстоятельств, на влияние обстановки, мы снимаем ответственность с известного лица, но тем прямее и строже относимся к той идее, которая лежит в основе известного общества, к тем условиям быта, к тем житейским отношениям, от которых неделимому Землю трудно отрешиться и которые с самой колыбели тяготеют в известном направлении над его мыслью и деятельностью. Вглядитесь в личности, действующие в повести Писемского, - вы увидите, что, осуждая их, вы собственно осуждаете их общество; все они виноваты только в том, что не настолько сильны, чтобы проложить свою оригинальную дорогу; они идут туда, куда идут все; им это тяжело, а между тем они не могут и не умеют протестовать против того, что заставляет их страдать. Вам их жалко, потому что они страдают, но страдания эти составляют естественные следствия их собственных глупостей; к этим глупостям их влечет то направление, которое сообщает им общество. Сочувствовать тому, что нам кажется глупостью, мы не можем. Нам остается только жалеть о жертвах уродливого порядка вещей и проклинать существующие уродливости. Тем и замечательна повесть Писемского, что она рисует нам не исключительные личности, стоящие выше уровня массы, а дюжинных людей, копошащихся в грязи, замаранных с ног до головы, задыхающихся в смрадной атмосфере и не умеющих найти выхода на свет. Чтобы действительно оценить всю грязь нашей вседневной жизни, надо посмотреть на то, как она действует на слабых людей; только тогда мы в полной мере поймем ее отправляющее влияние; сильный человек легко выкарабкается из нее; но людей слабых или неокрепших она душит и мертвят. Читая "Дворянское гнездо" Тургенева, мы забываем почву, выражющуюся в личностях Паншина, Марьи Дмитриевны и т. д., и следим за самостоятельным развитием честных личностей Лизы и Лаврецкого; читая повести Писемского, вы

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
никогда, ни на минуту не позабудете, где происходит действие; почва
постоянно будет напоминать о себе крепким запахом, русским духом, от
которого не знают куда деваться действующие лица, от которого порой и
читателю становится тяжело на душе.

V

Трудно себе представить более яркую и сжатую картину грязной жизни губернского города, чем та, которую нарисовал Писемский в повести "Тюфяк". И это не карикатура, даже не сатира. Каждая отдельная фигура так твердо убеждена в полной правоте своих притязаний, в полной законности своих действий, что она живет мимо воли автора и что вам кажется, будто иначе она и не может жить. Это правда; иначе не может она жить; машина заведена в известном направлении и пойдет себе своим порядком, пока не размотается пружина, или не изотрутся колеса, или же пока не замечено, но постепенно увеличивающееся внутреннее расстройство не остановит разом всего развиившегося механизма. Семейный деспотизм разворачивает младших членов семейств и готовит, из них будущих деспотов, которых рука будет тяготеть над будущими подчиненными личностями так же тяжело, как тяготели над ними самими руки отцов и матерей. Та молодая девушка, которая сегодня возбуждала ваше участие, как несчастная жертва, задыхавшаяся от сдержанных рыданий при помолвке с неминым человеком, через несколько недель явится перед вами молодою барынею, держащею в ежовых рукавицах свою прислугу, терзающею мужа капризами и истериками и трящею с возмутительным цинизмом его трудовые копейки на украшение своей особы. Несчастный муж, которого вы пожалеете теперь как мученика, явится скоро домашним тираном и будет с систематическою жестокостью отравлять существование той самой женщины, на которую он в былое время чуть-чуть не молился. Любящая мать, старающаяся устроить счастье своих детей, часто связывает их по рукам и ногам узкостью своих взглядов, близорукостью своих расчетов и непрошенною нежностью своих забот. Чувство ее сильно и искренно, но убеждения односторонни и ложны, и потому сумма ее влияния вредна и губительна. Голосом этой любящей матери говорит почва, на которой она росла и прозябала, и молодой человек, слышавший вдали от родительского дома что-то новое, рванувшийся душою к этому новому, еще неизвестному, но уже привлекательному образу жизни и деятельности, рискует остановиться в нерешительности, растрогаться и расплакаться, раскаяться в завиральных идеях, увидеть свой долг в сыновнем повиновении и нечувствительно заглохнуть в том омуте, из которого он было старался выкарабкаться. Когда два направления мысли вступили между собою в борьбу на жизнь и на смерть, когда нейтралитет оказывается невозможен, тогда людям с мягкими чувствами и с нерешительным умом приходится очень тяжело. Кто не способен склонять за собою корабли и идти смело вперед, шагая через развалины своих прежних симпатий, верований, воздушных замков и, идеалов и слыша за собою ругательства, упреки, слезы и возгласы негодующего изумления со стороны близких людей, тот хорошо сделает, если заглушит в голове работу, критического ума и даже простого здравого смысла, если заблаговременно начнет отплевываться от лукавого демона, сидящего в мозгу каждого здорового человека, смотрящего на вещи собственными глазами. Кому жаль расставаться с прошедшим, тому нечего и пытаться заглядывать в лучшее, светлое будущее. Иди, так иди, смело, без оглядки, без сожаления, не унося за собою никаких пенатов и реликвий и не раздавая своего нравственного существа между воспоминаниями и стремлениями. Этого никак не могут взять в толк люди мягкие и нежные; им все хочется или согласить между собою две противоположности, или переубедить людей неисправимых, состарившихся в своих понятиях и косящихся на все незнакомое; соглашая противоположности и добиваясь от самих себя исторического беспристрастия, эти господа делаются сами совершенно нерешительными и бесцветными; переубеждая застарелых противников, они нечувствительно мирятся с ними и переходят на их сторону, устроивают свою жизнь по заведенному порядку и увеличивают собою слой грязной почвы, подобно тому как прошлогодние растения увеличивают слой чернозема. Те условия, при которых живет масса нашего общества, так неестественны и нелепы, что человек, желающий прожить свою жизнь дельно и приятно, должен совершенно оторваться от них, не давать им над собою никакого влияния, не делать им ни малейшей уступки. Как вы попробуете на чем-нибудь помириться, так вы уже теряете вашу свободу; общество не удовлетворится уступками; оно вмешается в ваши дела, в вашу семейную жизнь, будет предписывать вам законы, будет налагать на вас стеснения, пересуживать ваши поступки, отгадывать ваши мысли и побуждения. Каждый шаг ваш будет определяться не вашею доброю волею, а разными общественными условиями и отношениями; нарушение этих условий будет постоянно возбуждать толки, которые, доходя до вас, будут досаждать вам,

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
как жужжание сотни мошек и комаров. Если же вы однажды навсегда решитесь
махнуть рукою на пресловутое общественное мнение, которое слагается у нас
из очень неблаговидных материалов, то вас, право, скоро оставят в покое;
сначала потолкуют, подивятся или даже ужаснутся, но потом, видя, что вы на
это не обращаете внимания и что эксцентричности ваши идут себе своим
чередом, публика перестанет вами заниматься, сочтет вас за погибшего
человека и, так или иначе, оставит вас в покое, перенеся на кого-нибудь
другого свое милостивое внимание... "Тюфяк" дает нам необходимые материалы
для того, чтобы определить характер нашего общественного мнения. В
губернском городе суетятся и хлопочут столько же, сколько и в столице, с
тою только разницей, что в столице большее количество людей собрано в одном
месте, и потому, когда все разом суетятся, то происходит гораздо больше
шума, движения и толкотни. Побудительные причины, заставляющие столичных
жителей суетиться, гораздо разнообразнее именно потому, что жителей очень
много и что они стоят на самых различных ступенях общественной лестницы и
умственного развития. В провинции аристократическое сословие состоит из
чиновников и помещиков; литераторы, художники, ученые составляют большую
редкость; им нечего там делать, и они бывают в провинции не иначе как на
правах гостей; да и где эти господа не гости в нашем отечестве? где их
влияние на жизнь и понятия общества? где та сфера жизни, в которой они
распоряжаются как хозяева и заявляют свои права? Если и чувствуется в
последнее десятилетие какое-то взаимодействие между мыслями передовых
людей и жизнью общества, то как еще оно слабо и как немногие признают
действительность его существования! Итак чиновники и помещики, с женами и
детьми, составляют собою губернскую аристократию. Помещики, живущие в
губернском городе, поручают свои имения приказчикам и бурмистрам, из их рук
принимают свои доходы, проживают их, навещают иногда свои поместья и,
произведя ревизию, получив должные суммы, снова возвращаются в город, чтобы
наслаждаться жизнью. Эти господа пользуются обыкновенно обеспеченным
состоянием, так что с материальной стороны они не встречают себе
препятствий и стеснений. Что же они делают? Они ездят в гости и принимают
гостей, приглашаются на званые обеды и дают такие же обеды у себя, танцуют
и играют в карты на вечерах и балах и устраивают у себя такие же балы и
вечера. Это называется пользоваться общественными увеселениями. Интервалы
между увеселениями вроде званых обедов и вечеров наполняются визитами и
разговорами, для которых самою интересною темою служат городские события.
Вставая утром с постели, губернский аристократ, если ему не предстоит
какого-нибудь приглашения, обыкновенно не знает, что предпринять, куда
девать день, и отправляется к кому-нибудь от нечего делать, говорит
что-нибудь от нечего делать, берет в руки книжку журнала, садится играть в
карты, выпивает рюмку водки, - все от нечего делать. Да и в самом деле, что
же ему делать? - Доходы получаются исправно, нужды ни в чем не предвидится,
ехать никуда не надо. Что же делать? - Сесть за книгу, что ли? Легко
сказать; посмотрите-ка на дело поближе, и вы увидите, что ничто не может
быть скучнее, как читать для процесса чтения, без последовательности и
системы. Ведь не станете же вы, без особенной надобности, читать листок
полицейских ведомостей. Что за охота утруждать зрение и напрягать ум только
для того, чтобы убить несколько часов? Предпочитать, как препровождение
времени, книгу живым явлениям жизни несвойственно человеческой природе.
Желая рассеяться, человек ищет смены впечатлений. Чем живее впечатления и
ощущения, тем более они его удовлетворяют; на этом основании он
отправляется в общество, болтает с знакомыми, садится за зеленое сукно,
танцует и кружится в освещенной зале. Вся беда в том, что ему нечего
делать, что он рассеивается в продолжение всей своей жизни. Ведь не
задавать же себе самому задач, не трудиться же для препровождения времени,
когда сама жизнь не шевелит своим потоком, не задает никаких задач и не
требует никакого труда. Жизнь эта - странная штука! Губернские чиновники,
кормчие провинциального общества, работают нередко машинально, почти не
сталкиваясь в своей работе с явлениями жизни и не выходя из сферы тех
неизменных канцелярских форм, для которых нет прогресса даже в языке. Утро
занято у этих господ, но их машинальная деятельность оставляет по себе
такую же пустоту, какую производит бездействие в людях праздных. Ум
все-таки остается незанятым и набивается чем попало, а попадают в него
обыкновенно бюрократические интриги, городские сплетни, преферансовые
соображения и воспоминания вроде похождений Чичикова. И вот из этих-то
элементов составляется общественное мнение, и отделиться от него не совсем
легко.

Исключение из общего правила составляют те немногие, которых жизнь исходит
в борьбе или в совершенном отчуждении от окружающей среды. Это люди
сильные, которых не легко, надломить даже губернскому обществу. Но сильных

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
людей, к сожалению, у нас немного; наша литература до сих пор не представила образа сильного человека, проникнутого идеями общечеловеческой цивилизации; большую частью из наших университетов выходили люди, пламенно любящие идею, страстно, привязанные к теории, но потерявшие способность руководствоваться простым здравым смыслом, чувствовать просто и сильно, действовать решительно, и в то же время умеренно. Они готовились воевать с крокодилами, и драконами, которых не бывает в наших провинциальных болотах, и в то же время забывали отмахиваться от мошек и комаров,, которые носятся над ними целыми мириадами. Они выходили против мелких гадин с таким оружием, которым поражают чудовищ; они со всего размаха убивали дубиною целого комара и к ужасу своему замечали, что колоссальная траты энергии и воодушевления оплачивалась совершенно незаметным результатом. Герои обессиливали, постоянно махая тяжелыми дубинами; мошки лезли им в глаза, в уши, в нос и в рот, облепляли их со, всех сторон, оглушали их своим жужжаньем, очень больнокусали, и кололи их едва заметными жалами и, высасывая из них кровь, постепенно охлаждали их боевой жар, их добродетельную отвагу, и великолужный пафос. Жизнь подступала к нашим героям так незаметно, она обхватывала их со всех сторон так искусно и такими тонкими сетями, что не оставалось теоретикам никакой возможности не только сопротивляться, но даже заметить надвигавшуюся опасность. Уступка за уступкой, шаг за шагом, и к концу концов восторженные энтузиасты становились достойными детьми своих: отцов. Одни, бывшие идеалисты или энтузиасты, просто превращались в толстых, о которых говорит Гоголь; {4} другие, более прочного закала, с грустью сознавали свою бесполезность и, никуда не пристроившись, слонялись по белому свету, нося в расстроенной груди не вылившуюся любовь к человечеству и разбитые надежды; немногие, очень немногие собирали и пересчитывали свои силы после первого поражения и, приведя их в известность, принимались за мелкие дела действительности, внося в свои практические занятия ту любовь к истине и к добру, которую они, бывши юношами, громко исповедывали в теории.

Да, масса нашего общества не без основания относилась с недоверием к людям мысли, принимавшимся за житейские дела. Лаврецких и Штольцев немного! О, том и другом мы знаем только, что они что-то работали, но процесса их работы мы не видим; Штольц отзывается искусственностью постройки; словом, все говорит нам, что в действительности очень мало положительных деятелей и что попытка представить таких деятелей в литературе не удалась именно от недостатка наличных материалов.

VI

До сих пор еще жизнь нашего общества не поддавалась такому влиянию, которое могло бы шевельнуть стоячую воду и спустить вниз по течению тину, накопившуюся в продолжение целых столетий. Почти никто не занят полезным и разумным делом, почти никто не знает, где отыскать себе такое дело, почти никто не сознает в себе потребности чем-нибудь заняться, и между тем почти все чем-то недовольны и отчего-то скучают. Праздность и скука ведут за собою много последствий. Беспрерывная умственная праздность нескольких поколений сохраняет для позднейших внуков те формы быта, те воззрения на отношения между людьми, от которых даже дедам и прадедам солено было жить на свете. Патриархальность понятий еще живет в нашем обществе, несмотря на заграничные моды, которые с замечательною быстротою приносятся из Парижа в разные захолустья православной Руси. Господа в английских визитках и барыни в кринолинах подчас разыгрывают такие семейные и вообще домашние сцены, на которые с удовольствием могли бы посмотреть бородатые бояре допетровской эпохи. Отражается ли в этих сценах народность - это я предоставлю решить знатокам и любителям; знаю только, что от этих сцен больно достается пассивным и подчиненным личностям; может быть, эти сцены делают честь исторической памяти русского народа, но в них страдает человек, в них топчут в грязь человеческое достоинство, и потому - бог с ним, с этим призраком прошедшего, откуда бы мы его ни почерпнули! далее, праздность нашего общества ведет за собою существование искусственных интересов; надо же чем-нибудь заняться, - и вот придумываются какие-нибудь цели; настоящей жизни нет, является подставная жизнь, которая никому не приносит ни пользы, ни наслаждения, но от которой не отрешается почти никто. Трехмесячные доходы ухлопываются, например, на званный обед или бал, на котором, может быть, не будет ни одного человека, действительно дорогого и близкого для хозяев. Бал дается с особенным великолепием из тщеславия, чтобы заставить говорить в городе; многие из гостей, бывших на бале, говорят, приехавши домой, что надо и им устроить что-нибудь подобное, и говорят это иногда с сокрушенным сердцем, потому что денег мало, а между тем из кожи лезут - и

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org устраивают. Вот вам и наполнена жизнь, вот и борьба интересов, вот и драма, переходящая то в комический, то в трагический тон. Иной почтенный отец семейства чуть не за пистолеты хватается, уверяя своих домашних, что жить нечем; глядя на него, подумаешь, что всему семейству придется завтрашний день без обеда сидеть, а на поверку окажется, что все отчаяние происходит оттого, что ему нельзя дать больше одного бала в нынешнем сезоне. Это комедия! Но между тем вместо одного бала дается два или три; дела запутываются, имения закладываются и просрочиваются, долги растут, кредит падает; являются серьезные финансовые расстройства; начинается мещанская трагедия. Придуманные прихоти считаются в искусственном мире нашей общественной жизни необходимыми потребностями; им жертвуют часто действительными удобствами жизни. Сколько семейств среднего круга отказываются от сытного обеда для того, чтобы обить комнаты новыми обоями, чтобы купить старшей дочери шелковое платье или чтобы в нанятой карете поехать куда-нибудь на вечер! Если бы еще подобные распоряжения делались с общего согласия, их можно было бы извинить; но ведь делами семейства заведуют только папенька с маменькой, остальные члены – лица без речей, не имеющие даже совещательного голоса, терпят лишения для того, чтобы покрыть расходы таких удовольствий, в которых они не принимают участия.

Согласитесь, что это возмутительно! А разве не возмутительны те мелкие интриги, которые все клонятся к тому, чтобы можно было занять и удержать за собою известное место, известную роль в обществе? Не уважая почти никого в отдельности, члены общества уважают всех вместе; для них ничего не значит огорчить или оскорбить соседа и приобрести в нем личного врага; но возбудить об себе толки, навлечь на себя внимание всего общества какою-нибудь эксцентричностью или потерять ту долю общественного внимания, которой они пользовались за роскошный образ жизни, – это для них невыносимо тяжело. Чтобы удерживать баланс в общественном мнении, надо прибегать к самым разнообразным средствам, надо тратиться и разоряться, надо занимать деньги, не теряя кредита, надо принимать у себя важных лиц, надо внушать своим детям такие идеи, которые не могли бы произвести диссонанса, надо направлять сыновей по такой дороге, которую общество считало бы блестящей, надо располагать по своему произволу и благоусмотрению судьбою дочерей и выдавать их замуж за людей родовитых, чиновных и богатых. Если вы – отец семейства, то вы отвечаете перед обществом не за одного себя; проступок вашей жены, вашей дочери, вашего сына, брата или племянника падает на вас более или менее тяжело, смотря по тому, насколько близок к вам провинившийся. Взыскивая таким образом со всех членов семейства за вину одного, общественное мнение, конечно, оправдывает или даже поощряет вмешательство родственников и родственниц в такие дела, которые, собственно говоря, никак до них не касаются. Простой здравый смысл говорит ясно, что каждый отдельный человек может отвечать только за себя, да разве еще за малолетнего своего ребенка, который должен быть под хорошим присмотром, чтобы не иметь возможности повредить как-нибудь своему здоровью и не нанести соседу убытка или неприятности. Наше русское общественное мнение, не имеющее ничего общего с здравым смыслом, судит совсем не так: оно предполагает между членами семейства и даже рода такую крепкую связь, такую солидарность отношений, которые возможны только в патриархальном быту и о которых наше время, к счастью, не имеет понятия. Требования общественного мнения в полном объеме неисполнимы, но эти требования дают известное направление индивидуальным силам; при всех ваших стараниях вы не усмотрите за всею своею роднею и не будете в состоянии привести все их действия к должной мерке; но важно уже то, что вы будете стараться, будете вмешиваться и, следовательно, сталкиваясь с сильными характерами, будете надоедать им, а имея дело с людьми слабыми, будете сбивать их с толку. Сильные характеры я могу оставить в стороне; они не поддаются общественному мнению, не слушают чужих советов и, следовательно, не страдают от уродливых особенностей почвы. Что же касается до людей неглупых, сколько-нибудь развитых, но не настолько сильных, чтобы отстоять результаты своего развития, то легко можно себе представить, как тяжело их положение. Доходящие до них слухи о городских толках волнуют и смущают их; советы какого-нибудь нелепого родственника или доброжелателя приводят их в недоумение; голос собственного просвещенного убеждения говорит им одно, почва требует совершенно другого, и они повинуются требованиям почвы, не успевая заглушить в себе невольного протеста. Они унижаются и сами сознают свое унижение; это внутреннее раздвоение мучит, озлобляет их и возбуждает в них желание срывать зло на окружающем, они делаются несправедливыми и, чувствуя это, еще более окисляются и становятся еще несноснее. Эти люди, конечно, неспособны вну什ить к себе уважение или сочувствие, но они-то всего более и нуждаются в исцелении; они действительно очень больны; к тому же их

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
очень много, и об них стоит подумать. Переменить окружающую их атмосферу невозможno; для этого нужно было бы перевоспитать все общество; стало быть, надо сделать их по возможности нечувствительными к миазмам этой атмосферы; надо настолько возвысить их над уровнем окружающего общества, чтобы они могли смотреть a vol d'oiseau {с птичьего полета (франц.). - Ред.} на его гнев, негодование и волнение; чтобы жить в провинциальном обществе не окисляясь и не опошливаясь, надо уметь презирать людей без злобы, презирать их холодно, сознательно, отказываясь от всякой попытки возвысить их до себя и понимая совершенную невозможность сойтись с ними на каком-нибудь возврении. Когда дети играют в куклы, было бы смешно подойти к ним и начать им доказывать, что они тратят попусту драгоценное время; отнестись к обществу взрослых как к группе играющих детей, - и кроткая улыбка сменит собою тяжелое негодование, накопившееся в вашей груди. "Пустые люди!" - подумаете вы. Да что же из этого? Ведь не насилино же наполнять их внутренним содержанием. Есть только одна сторона жизни, с которой никак нельзя помириться; к счастью, эта сторона скрыта внутри домов и не напрашивается на глаза посторонним зрителям. Бывая в обществе, вы увидите только пустоту его жизни, мелочность и ложность его интересов; это еще небольшая беда, каждый живет для себя и потому волен, лично для себя, забавляться чем вздумается и работать над чем угодно, но только лично для себя_. Приневоливать к чему бы то ни было членов своего семейства, располагать их судьбою по своему близорукому благоусмотрению, определять карьеру сыновей и выдавать замуж дочерей - о! это такие права, против которых глубоко возмущается человеческая природа; заметьте притом, что человек тем более расположен пользоваться этими возмутительными правами, чем менее он способен употребить их на благо подчиненных личностей. Необразованный, безнравственный, пьющий губернский чиновник обыкновенно является деспотом в семействе, крутит и ломит всякую оппозицию, не слушает ни резонов, ни просьб, - с пьяных глаз определяет сыновей на службу, отправляет дочерей под венец, - и при всем этом опирается на свои природные и законные права, ссылается на свою родительскую любовь и заботливость. С этой стороны жизни невозможno помириться; к ней нельзя даже отнестись с равнодушным презрением; здесь страдают и гибнут люди, и притом люди молодые, не успевшие испортиться. Но сцены притеснения, драмы семейного деспотизма разыгрываются внутри семейства; их можно предполагать и отгадывать, но видеть их можно только самим актерам, потому что эти сцены происходят без посторонних зрителей, тогда, когда ничто не требует приличных декораций и благообразной костюмировки. Прекратить эти халатные сцены, развертывающие свое полное безобразие в спальнях, детских, кухнях и других жилых комнатах, недоступных для гостей, - не может ни законодательство, ни общественное мнение. Пока жена будет зависеть от мужа в отношении к своему пропитанию, пока муж будет так груб, что будет находить удовольствие в притеснении слабого и зависимого существа, пока родители и дети не будут иметь ясного понятия о своих человеческих-разумных правах, - до тех пор можно будет обходить букву самого мягкого и справедливого закона, до тех пор можно будет обманывать контроль самого чуткого и просвещенного общественного мнения. Но на наше общественное мнение полагаться нельзя; оно составлено из голосов тех самых семян, которые тяготеют над своими домочадцами; оно проникнуто духом Домостроя и только облагообразило до некоторой степени внешние приемы, рекомендуемые попом Сильвестром. Оно признает за родителями право распоряжаться судьбою детей и, обзываая последних к пассивному повиновению, вознаграждает их за потерю свободы правом угнетать со временем других. Наше общественное мнение может быть возмущено только скандалом; оно прощает несправедливость и систематическую жестокость, лишь бы не было крика, лязга пощечин, кровавых синяков и истерических припадков; впрочем, это общественное мнение умеет быть глухо и слепо, умеет смотреть сквозь пальцы и часто оказывается до того пропитанным духом патриархальности, что принимает сторону притеснителя; часто оно обвиняет жертву деспотизма в том, что она не умела избежать срама и покориться молча. Недаром говорит пословица: "из избы сору не выноси"; кажется, все члены чисто русского семейства только и заботятся о том, чтобы хранить свой сор чуть не под образами, и ни за что не решаются с ним расстаться и вышвырнуть его на улицу. Тайна, в которую ложный стыд облекает разные семейные неприятности, искусственный мрак, который стараются поддержать в семейном святилище, - мрак, непроницаемый ни для какой гласности, конечно, содействуют сохранению в семейных нравах и отношениях той дикости, которая уже выводится в отношениях общественных и междусловных. Реформировать семейство может только гуманизация отдельных лиц и возвышение личного самосознания и самоуважения. Человек, действительно уважающий человеческую личность, должен уважать ее в своем ребенке, начиная с той минуты, когда ребенок почувствовал свое я и отделил

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org себя от окружающего мира. Все воспитание должно измениться под. влиянием этой идеи; когда она глубоко проникнет в сознание каждого взрослого неделимого, всякое принуждение, всякое насилиование воли ребенка, всякая ломка его характера сделаются невозможными. Мы поймем тогда, что формировать характер ребенка нелепая претензия; мы поймем, что дело воспитателя - заботиться о материальной безопасности ребенка и доставлять его мысли материалы для переработки; кто старается сделать больше, тот посягает на чужую свободу и воздвигает на чужой земле здание, которое хозяин непременно разрушит, как только вступит во владение. Когда мы поймем все это? - не знаю; все это, может быть, утопии, над которыми засмеются практики в деле педагогики и семейной жизни. Смейтесь, гг. практики, смейтесь! Но не удивляйтесь тому, что возникают утопии; когда рутина довела до того, что приходится барахтаться и захлебываться в грязи, тогда поневоле отвернешься от действительных фактов, проклянешь прошедшее и обратишься за решением жизненных вопросов не к опыту, не к истории, а к творчеству здравого смысла и к непосредственному чувству.

VII

Грозная филиппика моя против нашего общества вообще и провинциального в особенности выставила таким образом на вид два главные свойства: 1) пустоту жизни, порождающую искусственность и ложность интересов, и 2) патриархальную рутинность понятий и отношений, ведущую за собою семейный деспотизм. Эти два свойства имеют, конечно, значительное влияние на формирование тех нравственных воззрений и правил, которые признает и отстаивает общественное мнение. Эти нравственные воззрения не раз назывались в нашей критике условною или мещанскою нравственностью. Оба названия довольно метки. Действительно, принято, условлено не позволять себе того или другого поступка, хотя бы в этом поступке самая тщательная критика не открыла бы ничего предосудительного или неизящного; принято, условлено - и все так и делают; кто не повинуется обычаю - навлекает на себя нарекания; осуждая человека за нарушение обычая, мы не разбираем его поступка собственным здравым смыслом, а просто подводим его под букву того кодекса, который успели заучить в различных столкновениях с людьми и с обстоятельствами. Мы как будто условились признать авторитет этого незримого кодекса, и, следовательно, наша общественная нравственность вполне заслуживает названия условной. Мещанская - эпитет довольно выразительный. Нравственные понятия, установленные общественным кодексом, узки, мелки, робки, непоследовательны, как мещанский либерализм, эмансирующий личность до известных пределов, как мещанский скептицизм, допускающий критику ума в известных границах. В основе общественной нравственности лежат существенные черты тога ложного идеала, которому поклоняется общество, того идеала, который изобразил Пушкин в "Евгении Онегине", в стихах:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов;
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:

общество не любит резкостей и оригинальностей: его возмущают яркие пороки, проявления сильной страсти, живые движения мысли; новые идеи кажутся ему так же предосудительными, как нарушения чужого права; эманципация человеческой личности смешивается в его глазах с отсутствием всякого человеческого чувства, с явным посягательством на интересы, на личность и собственность ближнего; протест против патриархального начала, против обязательности родственных отношений вызывает такую же бурю негодования, какую могло бы вызвать какое-нибудь грубое насилие. Горячее слово за свободу и полноправность женщины может упрочить за вами в обществе репутацию развратного и опасного человека, умышленно подрывающего лучшие чувства человеческой жизни. Общий уровень умственного развития стоит в нашем обществе так низко, что ни одна идея не доступна ему в полном своем объеме, в полном величии и достоинстве своего значения. Общество наше знает какое-нибудь одно узенькое, жалкое приложение этой идеи; опошившись в этом приложении и не будучи доступна обществу в чистом своем понятии, идея великая, широкая и прекрасная встречает себе в обществе тупое недоверие и наглую насмешку. Представьте себе, что вас обманул купец, торгующий рожью. Что, если бы вы на этом основании стали считать мошенниками всех купцов, занимающихся этой отраслью торговли? Ведь всякий здравомыслящий человек имел бы право обвинить "вас в бессмысленном и несправедливом недоверии; между тем все приговоры, которыми наше общество поражает незнакомые ему идеи, основаны на подобном процессе мысли. Судить о целой идее по тому мизерному ее извращению, которое находится перед вашими глазами, так же нелепо и несправедливо, как судить о целом сословии по худшему его представителю. Личная свобода, например, дает ленивцу возможность пролежать несколько дней на печи, а пьянице - возможность спустить в кабаке последние сапоги. Если бы ленивец был негром-невольником, то его принудили бы встать и выйти на работу; если бы пьяница сидел где-нибудь под присмотром, то на нем уцелело бы необходимое платье. Ну, что ж! Не угодно ли из этого вывести заключение, что рабство гораздо лучше личной свободы? Такого рода попытка не имела бы даже прелести новизны и оригинальности. Так рассуждали многие помещики и помещицы. Любовь часто ведет за собою многие глупости, или, вернее, многие глупости прикрываются фирмой любви; во имя любви заключаются экспромтом браки, в которых не соблюдаются ни соразмерность лет, ни соответствие характеров и наклонностей, ни экономические требования простого практического здравого смысла; старик женится на молоденькой институтке, не имеющей понятия о жизни; человек умный и серьезный - на пустой и ветреной девочке; человек бедный и неспособный трудиться - на девушке бедной и также неспособной трудиться: начинаются семейные огорчения, начинается нужда, во всем оказывается виноватою любовь, - и нежные матери предостерегают сыновей и дочерей, указывая на роковые примеры и приговаривая со вздохом: "А уж как влюблены-то были!" Поневоле умному и развитому молодому существу, слушая такие речи, приходится отвечать: "Я не влюблен, я люблю". Это не диалектическая тонкость, это - необходимое разграничение. Общество наше понимает только влюбленность, какую-то *febris erotica*, {Любовная лихорадка (лат.)}. - Ред.} в которой человек беснуется и делает такие же пошлости, какие предпринимал добрый рыцарь Дон-Кихот в горах Сиерры-Морены. Надо же заявить этому обществу, что я, дескать, в своем уме и потому в опеке не нуждаюсь, что я способен руководствоваться здравым смыслом и между тем всетаки нахожу величайшее наслаждение в сближении с такою-то женщиной, а не в том, чтобы приобретать много денег, и не в том, чтобы быть самым блестящим кавалером на бале или самым исполнительным столоначальником в департаменте. Видя дурачества своих влюбленных, общество отожествляет любовь с дурачеством и сердится на то, чего оно не знает. Многие женщины нашего обществадерживаются от того, что называется падением, страхом отцов или мужей, страхом стыда и осуждения; они сами сознают это, и это же самое понимают и мужчины, заботящиеся о поддержании их нравственной чистоты; узкость и мелкость их воззрений мешает этим господам и барыням видеть в женщине что-нибудь, кроме материальных половых влечений и нравственных обязанностей жены и матери.

Между тем до этих господ, которые, при всей своей неразвитости, суются толковать о назначении женщины, подкладывая под это слово, как и под многие другие, свой доморощенный смысл, - доходят изумительные для них слухи. Они узнают, что в Европе и в Америке передовые люди толкуют о том, что женщина такой же человек, как и мужчина, что она вовсе не обязана только о том и думать, чтобы готовить мужу обед, рожать ему детей и кормить их сначала грудью, а потом манной кашкой; что она может мыслить, чувствовать и действовать, не спрашивая позволения ни у отца, ни у мужа. Задумываются

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
наши господа; им говорят о правах женщины, и они сейчас же понятие женщины воплощают в тех образах, которые суетятся и пищат перед их глазами; они себе представляют, что случилось бы, если бы их жены и дочери были отпущены на волю, т. е. эмансипированы, - и с ужасом зажмуривают глаза и начинают отмахиваться от эмансипационных идей, потому что их воображению представляются неблаголепные картины. Они думают, что женская нравственность и целомудрие, супружеская верность и материнская заботливость поддерживаются только стараниями отцов и мужей да гнетом общественного мнения, и вдруг им предлагают отказаться от своего господства над женщинами и устраниТЬ гнет общественного мнения. Да как же так? - спрашивают они, - да где же тогда граница, где будет плотина, которая до сих пор сдерживала безнравственные наклонности? где возможность, где обеспечение семейного счастья? - Словом, они видят, что можно употребить во зло идею, и уже кроме злоупотребления в этой идее ничего не видят. Действительно, в такой стране, где женщина признается полноправною личностью, ей легче завести себе любовника, чем у нас, точно так же, как у нас это легче сделать, чем в Турции или в Персии; в этом не ошибаются противники эмансипации. Но захочет ли эмансипированная женщина удариться в разврат из любви к разврату - об этом они не спрашивают. Дурно ли делает женщина, если, действительно любя мужчину, она отдается ему, до этого вопроса они не умеют возвыситься. Если бы к киргизам проникла какая-нибудь европейская идея, то, конечно, она произвела бы такой диссонанс, такой сумбур, которого бы не было, если бы она осталась неизвестною. Беспорядок продолжался бы до тех пор, пока эта идея не была бы задушена или пока бы она решительно не восторжествовала и не переработала весь строй народных понятий. К числу таких резких диссонансов бесспорно принадлежит разлад между нашими средневековыми понятиями о семействе и совершенно новыми но своей ширине идеями о полноправности женщины. Многие ли из наших образованных умников достаточно подготовлены, чтобы только понять обширность целичие этой идеи? Чтобы всецело провести ее в собственной жизни, надо располагать такими силами, которые достаются на долю немногим единицам. А между тем посмотрите и послушайте. Полукретины, не умеющие ни мыслить, ни уважать мысли другого, судят и рядят, оплевывают и закидывают грязью то, что для них - пустой звук, а для людей с умом и с душою сознательное и дорогое убеждение. Личная свобода, любовь, полноправность женщины понимаются нашим обществом только в опошленном, одностороннем и извращенном виде. Точно так же понимается ими идея эгоизма, неразрывно связанная с идеей свободы личности и составляющая необходимое основание всякой истинной любви. Эгоист, по понятию нашего общества, - тот, чело век, который никого не любит, живет только для того, чтобы набивать себе карман или желудок, и наслаждается только чувственными удовольствиями или удовлетворением своей алчности или честолюбия. Тут прямо пододвинули под слово такое понятие, которое не имеет ничего общего с его подлинным значением. Почему же эгоист должен быть недоступен эстетическому наслаждению? Почему он не может любить? Почему он не может находить наслаждения в том, чтобы делать добро другим? Эгоизм, т. е. любовь к собственной личности, ставит целью жизни наслаждение, но не ограничивает выбора наслаждения тем или другим кругом предметов. Я наслаждаюсь тем, что мне приятно, а что приятно - это уже подсказывают каждому его наклонности, его личный вкус. Стало быть, внутри понятия эгоист открывается необъятный простор личным особенностям и стремлениям. Эгоистами могут быть и хорошие и дурные люди; эгоист - человек свободный, в самом широком смысле этого слова; он делает только то, что ему приятно; ему приятно то, чего ему хочется, следовательно, он делает только то, чего ему хочется, или, другими словами, остается самим собою во всякую данную минуту и не насищает себя ни из увождения к окружающему обществу, ни из благоговения перед призраком нравственного долга. Что ему приятно, в этом весь вопрос, и тут начинается нескончаемое разнообразие, и ни один человек не имеет права подводить это естественное и живое разнообразие под какую-нибудь придуманную им или наследованную откуда-нибудь норму. Отсутствие нравственного принуждения вот единственный существенный признак эгоизма, но этого, конечно, не понимает наше общество; именем эгоиста оно называет непременно человека сухого и черствого, не понимая того, что такой человек даже и самого себя любит слабо и вяло, что он даже самому себе не умеет доставлять те наслаждения, которые можно вынести из сношений с другими людьми. Называть эгоизмом бедность крови и худосочие, мешающие энергическому восприниманию впечатлений, совершенно нелепо; и надо согласиться с тем, что только бедность крови и худосочие могут сделать человека нечувствительным к наслаждениям любви, семейной жизни и дружбы, недоступным тому волнению, которое возбуждают в нас истинно художественные произведения, неспособным к творчеству мысли и к искреннему воодушевлению. Эгоизм - система умственных

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
убеждений, ведущая к полной эманципации личности и усиливающая в человеке самоуважение; а между тем этим словом обозначают совокупность нравственных, а может быть, и чисто физических свойств, мешающих развитию полной человечности и, следовательно, не позволяющих человеку сильно любить, сильно желать и сильно наслаждаться жизнью. Отчего происходит эта ошибка в определении понятия? Вероятно, оттого, что мы обыкновенно очень поверхностно смотрим на вещи. Мы видим например, что человек никого не любит, держит жену и детей в черном теле, копит деньги без всякой цели или тратит их на грязные удовольствия, в которых он один принимает участие; из этого мы заключаем, что этот человек любит только самого себя и что, следовательно, он - эгоист; он никого, кроме самого себя, не любит - это верно; но следует ли из этого заключения, что он самого себя любит сильнее, чем тот человек, который находит наслаждение в том, чтобы доставлять другим удовольствия и счастье? Эти два человека расходятся между собою только во вкусах; оба идут к одной цели - к наслаждению; первый пускает в ход те жалкие средства, которые отыскивает его узенький ум и до которых дощупывается его бедная, хилая природа; второй живет всеми фибрами своего организма, дышит полною грудью, смотрит на мир весело, любовно, радуется свежей жизни окружающей природы и довольству, разлитому на лицах близких и дорогих ему людей; один вечно бесстрастен, вял, почти болен; другой здоров, свеж, бодр и вследствие этого восприимчив к радостям окружающего мира; различие, как видите, лежит скорее в темпераменте, чем в системе умственных убеждений. Повторю: эгоизм, если понимать его как следует, есть только полная свобода личности, уничтожение обязательных трудов и добродетелей, а не искоренение добрых влечений и благородных порывов. Пусть только никто не требует подвигов, пусть никто не навязывает влечений и порывов, пусть общество уважает личность настолько, чтобы не осуждать ее за отсутствие влечений и порывов, и пусть сам человек не старается искусственно прививать к себе и воспитывать в себе эти влечения и порывы - вот все, чего можно желать от последовательного проведения и сознательного воспринятая идеи эгоизма. Гнет общества над личностью так же вреден, как гнет личности над обществом; если бы всякий умел быть свободен, не стесняя свободы своих соседей и членов своего семейства, тогда, конечно, были бы устраниены причины многих несчастий и страданий. Другими словами, если бы всякий был эгоистом по-своему, не мешая другим быть эгоистами по-своему, тогда не было бы в среднем кругу ни ссор, ни сплетен, ни скандалов. В _среднем кругу_, говорю я, потому что для низших слоев общества есть такое зло, которое до сих пор не могли устранить, при всех своих усилиях, лучшие мыслители Европы. Это зло - пролетариат {5} со всеми своими ужасными последствиями. Отыскание средства, долженствующего устранить это зло, принадлежит еще будущему времени.

Большая часть идей, находящихся в обращении между передовыми людьми нашего века, превратно понимается массою нашего общества и вследствие этого не находит себе доверия. Ничтожный и дешевый скептицизм, с которым "встречаются у нас самые честные воззрения, самые теплые выражения человеческого чувства, самые благородные и широкие стремления мысли, доказывает, что наше общество вообще равнодушно к истине и красоте или что оно не понимает, в чем дело. Последнее, мне кажется, вернее; схватив вершки образования, слыша слова, знакомые по французским учебникам и романам, наша публика всякую идею понимает по-своему, т. е. вкривь и вкось, а наши критики, не давая себе труда разъяснить ей самые элементарные понятия, проповедуют в пустыне и не производят на своих читателей никакого влияния, потому что эти читатели принимают их за педантов, фразеров или шарлатанов. Видя то, как общество относится к идеям, составляющим славу нашего века, можно уже до некоторой степени составить себе понятие о достоинстве его нравственных воззрений. Покорность существующему порядку вещей и отношений составляет одно из главных нравственных требований. Протест, как бы ни был он законен и неизбежен, в какой бы форме он ни выразился, всегда осуждается как преступление. Семейная иерархия во всей своей строгости поддерживается общественным мнением; это общественное мнение карает как тех, кто снизу возмущается против этой иерархии, так и тех, кто сверху ослабляет оковы семейного деспотизма. Первых оно называет непочтительными детьми, вторых слабыми родителями. Отношения между молодыми людьми разных полов находятся под самым деятельным надзором общественного мнения. В правильности этих отношений и заключается весь мистический смысл условной нравственности. Всякое проявление чувства между молодыми людьми, не связанными узами брака и даже не помолвленными, считается наглым оскорблением общественной нравственности. Честная девушка должна больше всех любить папеньку с маменькой, а потом, когда ее выдадут замуж, она должна всю сумму своей любви перенести на мужа, а потом, когда у нее рождаются дети, - на детей.

Жить таким образом – значит исполнять свой долг. Если девушка замечает в своих родителях недостатки, она должна убеждать себя в том, что это ей только так показалось или же что эти свойства не недостатки, а хорошие качества; если она страдает от этих недостатков, она должна принять эти страдания с покорностью и считать их крестом, возложенным на нее богом; стараться об устраниении этих страданий – грешно. Если родители – люди дурные, то дочь должна считать их хорошими людьми и любить их как таковых; впрочем, брат с них пример общественное мнение не велит. Если девушке случится полюбить молодого человека, она немедленно должна во всем признаться своим родителям или по крайней мере маменьке, хотя бы она со стороны последней не могла ожидать себе сочувствия, хотя бы даже ей пришлось за это выслушать упреки и испытать препятствия; если маменька посоветует ей прервать сношения с любимым человеком или, говоря языком патриархального быта, велит выкинуть дурь из головы, она должна немедленно повиноваться; если родители прищут ей жениха, способного составить ее счастье, человека солидного, т. е. прилично-пожилого, одаренного состоянием, чинами и знаками отличия, она должна с благодарностью принять от них это доказательство их заботливости; в подобном случае общественное мнение поощряет только со стороны невесты обильные слезы, существующие служить доказательством неизменной привязанности к родительскому дому; впрочем, эта привязанность, очень похвальная, если она проявляется до свадьбы, может показаться странною и даже предосудительною, если она слишком сильно будет выражаться после замужества. Молодые должны быть, или казаться, счастливыми; молодая женщина должна быть довольна своею участью, хотя бы ее супругу было под семьдесят лет и хотя бы ей приходилось быть сиделкою, а не женою; если она покажется недовольною и если – боже упаси! – в числе знакомых ее мужа отыщется какой-нибудь юноша, которого нельзя будет назвать уродом, – общественное мнение отметит ее и возьмет ее под присмотр; при малейшем предлоге молодая женщина будет обвинена в нарушении, супружеской верности, и репутация ее будет замарана; об ней никто не пожалеет, никто не вменит ей в заслугу многолетнего повиновения родителям; все прежнее образцовое поведение будет вменено ей в вину. "Какова! – скажут все, – а еще какою смиренницею прикидывалась! Уж подлинно в тихом омуте..." Я нарочно выбрал женщину для того, чтобы по ее личности проследить требования общественной нравственности.

По физическим силам, по сумме умственных сил, вырабатывающихся в ней воспитанием, по положению и правам своим в обществе женщина является нам существом слабым, подчиненным, подавленным. И общественное мнение только к тому и стремится, чтобы представить эту слабость нормальным положением, чтобы упрочить гнет, чтобы еще больше подавить и без того подавленную личность. *Vae victis!* {Любовная лихорадка (лат.). – Ред.} – вот варварский девиз этого общественного мнения. Нет в нем ни человеколюбия, ни справедливости. Поклонение силе, к чему бы она ни применялась, узаконение существующего порядка вещей, как бы ни был он безобразен, осуждение слабого, как бы ни были справедливы его притязания, перевес авторитета над здравым смыслом, – словом, необузданый консерватизм патриархального быта, – вот чем отличается наше общественное мнение. Оно знает и поощряет только два рода добродетелей: со стороны старших и начальников – строгость, твердость, настойчивость, не допускающие рассуждения, не смягчаемые уважением к подчиненному, не признающие в нем самобытной личности; со стороны младших и подчиненных – пассивное, бессмысленное, чисто внешнее повинование, несогласное с умственную самостоятельностью и обидное для человеческого достоинства. Это общественное мнение формирует только рабов и деспотов; свободных людей нет; кто не чувствует над собою гнета, тот гнетет сам и вымешает на своих подчиненных то, что ему приходилось терпеть в молодые годы. Что нарушит эти преемственные предания школы, семейства и общественного быта? когда произойдет это нарушение? – на все это ответит будущее. Но так жить, как жило и до сих пор живет большинство нашего общества, можно только тогда, когда не знаешь о возможности лучшего порядка вещей и когда не понимаешь своего страдания.

VIII

Все, что я говорил о нашем провинциальном обществе, – искусственность занимающих его интересов, грубость семейных отношений, неестественность нравственных взглядов, подавление личной самостоятельности гнетом общественного мнения, – все это выразилось в повести "Тюфяк". Мое дело будет обратить внимание читателя на те факты, которые всего более дают материалов для размышления. В "Тюфяке" есть две женщины; одну из них мы знаем – это жена Бешметева; ее все осуждают, с нею никто не знакомится;

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
знакомые с нею дамы прерывают с нею сношения; все это делается за то, что ее подозревают в интриге с Бахтнаровым. Вот вам образчик общественной логики: выйти замуж за человека, которого не любишь, - не беда; отдаваться любимому человеку - стыдно и грешно. Другая женщина - сестра Бешметева; ее муж - лгун, мот, игрок, человек пустой и ограниченный; в нем нет сильных страстей и пороков, но зато нет ни одной светлой человеческой черты, за которую можно было бы простить ему его гаденькие свойства; с таким джентльменом живет умная, честная, хоть и неразвитая женщина; в отношении к нему она хранит супружескую верность; она страдает от его пошлости; ей просто нечем жить, нечем дышать, и она действительно медленно истлевает, сохнет от пустоты жизни, от недостатка внутреннего содержания. Общественное мнение не жалеет об ней и не возмущается ее бесполезным самоутверждением; оно говорит, что Лизавета Васильевна Масурова - добродетельная женщина, исполняющая свои обязанности! Если бы Лизавета Васильевна любила и уважала своего мужа, тогда в исполнении ее обязанностей не было бы ничего оскорбительного для ее человеческого достоинства, тогда она сама была бы счастлива, и в ее образе действий не видно было бы подвигов самоутверждения. Именно по этой причине наше общество, воспитанное в правилах принижения личности, не поставило бы ей в заслугу ее хорошего поведения; в нашем обществе глубоко коренился взгляд на добродетель как на насиливание природы. Вы услышите на каждом шагу: "что ж за важность, что такой-то не пьет? - Он не расположен к вину. Что за важность, что такая-то хорошо живет с мужем? - Она его любит". Если судить таким образом, то надо всегда ставить раскаявшегося преступника выше человека, неспособного сделать преступление. Естественное расположение к добру считается в таком случае счастливою принадлежностью человеческой природы, счастливым преимуществом, а не результатом акта свободной воли. По нравственным понятиям нашего общества, свободная воля человека должна быть направлена на то, чтобы ломать врожденные наклонности, искоренять те слабости, которые всего более свойственны нашему нравственному организму, и прививать те добродетели, которые ему всего более антипатичны. Идеализм, т. е. выкраивание людей на один образец и вражда к материи, как к источнику всякого зла, лежит в основании этих нравственных воззрений, которые разделяют с массою даже лучшие люди общества. Они восхваляют женщину за то, что она исполняет свои обязанности в отношении к нелюбимому мужу; - они не понимают того, что выйти замуж за нелюбимого человека - возмутительно. Они не понимают того, что женщина, соглашающаяся принадлежать человеку, которого она разлюбила, подавляет в себе естественный голос женской гордости и стыдливости и профанирует акт любви, сводя его на степень хладнокровно-исполняемого, условного обряда. Здесь, как и везде, приговоры общественного мнения клонятся к тому, чтобы извратить и изуродовать чувство человеческого достоинства, чтобы в угоду неосознательному принципу раздавить и уничтожить живую личность. Сам Бешметев может служить нам ярким примером того нравственного развращения, которое в грязной среде выпадает на долю молодой и слабой личности, стоявшей на хорошей дороге, но не сумевшей на ней удержаться. Поддержало ли, остановило ли его хоть на минуту общественное мнение? Напротив, оно постоянно толкало его к падению, и потом, когда он повалился в пропасть, оно отрееклось от своего поступка и резко осудило его за нравственное унижение. Переход от ученой карьеры к бюрократической деятельности, нелепые отношения к жене, посягательства на ее свободу, грубая ревность, притеснения и попреки - все это оправдывало общественное мнение, ко всему этому оно подзадоривало доверчивого Тюфяка, и все это привело к чему же? - К внутренней пустоте, к озлоблению против жены, к недовольству собою и людьми, к желанию забыться, к пьянству запоем, к грязному падению нравственных сил, к разрушению здоровья, к преждевременной смерти. И что же сделали те старшие родственники, которые, как проводники общественного мнения, управляли действиями Бешметева? Увидали ли они по крайней мере, что слишком хорошо повиноваться их советам - нелепо? Поняли ли они свою оплошность? Сознали ли они свою неспособность руководить действиями молодых и свежих личностей? - Нимало! Они отступились от своего дела и не захотели понять того, что несчастья, свалившиеся на Бешметева, составляют естественные следствия их советов; они обвинили самого же Бешметева, презрительно сожалели о нем и потом, вероятно, забыли о несчастной жертве своей нелепости.

И это судьи! Это законодатели общественного мнения!

1861 г. Октябрь.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Впервые напечатана в журнале "Русское слово", 1861, кн. 10; затем вошла в
Страница 18

Стоячая вода. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org ч. I первого издания сочинений (1866). Существенных расхождений между текстом журнала и первого издания нет. Дата под статьей поставлена в первом издании. Здесь дается по тексту первого издания с исправлением его опечаток по тексту журнала.

Резко критический характер статьи в отношении бытовых устоев крепостнической России обратил на себя внимание царской цензуры после выхода в свет ч. I первого издания сочинений Писарева. В заключении цензурного комитета от 22 марта 1866 г. говорилось:

"Супружеский союз обусловливается у автора только взаимным расположением мужчины и женщины; если этого расположения нет или оно со временем прекращается, то и союз как бы теряет свою обязательную силу. К такому выводу приходит критик по поводу повести Писемского "Тюфяк". Указаний этой тенденции, высказанной, впрочем, не прямо, а намеками, весьма много во всей книге" (цит. по статье В. Е. Евгеньева-Максимова "Д. И. Писарев и охранители" - "Голос минувшего", 1919, кн. 1-4 стр. 144-145).

Член Главного управления по делам печати Ф. Толстой в связи с этим писал: "Вполне разделяю воззрения Г. цензора. В первой части сочинений Писарева и в особенности в статье "Стоячая вода" всецело отражаются дух и направление приостановленного журнала "Русское слово". Отрицание родительской власти, порицание брачного и семейного союза особенно ярко выражены в следующей фразе: "Выйти замуж за человека, которого не любишь, не беда; отдаваться любимому человеку - стыдно и грешно, вот вам образчик общественной морали". Подобные фразы и многие другие ясно определяют социалистические и коммунистические тенденции автора".

1 Повесть А. Ф. Писемского "Тюфяк" впервые была напечатана в 1850 г. в журнале "Москвитянин".

2 См. прим. 5 и 13 к статье "Схоластика XIX века".

8 См. прим. 7 к статье "Идеализм Платона".

4 Ср. в гл. I первого тома "Мертвых душ" Гоголя сатирическое противопоставление "тоненьких" "толстым", занимающим только "прямые места" и составляющим себе солидное состояние.

6 Здесь пролетариат к устарелому значению: нищета.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!